

Столица Великой Вэй славится широким проспектом Бэйчэнь, проходящим прямо через центр города. Вчерашний дождь лишь слегка намочил каменные плиты, оставив на них темные круги.

Посреди дороги поперек встала карета, наглым образом преградив путь Хэлань Си.

— Кто это тут перегородил дорогу? Ты хоть знаешь, чья это карета? — подал голос кучер. Его лицо было густо напудрено, а голос звучал до того визгливо, что ему даже не нужно было его специально напрягать — настоящий мелкий слуга, кичащийся влиянием своего хозяина.

Зеваки, столпившиеся на обочине, толкали друг друга, но никто не решался подойти ближе.

Хэлань Си довольно изогнул губы. Подумать только, Фан Юань с каждым разом всё искуснее притворяется тигром, пользуясь мощью лисы.

Хэлань Си вел себя вызывающе, но и тот, кто сам напросился на конфликт, ничуть ему не уступал.

— Ну а если знаю, что с того? Мои лошади устали, не могут идти дальше, хотят немного отдохнуть. Если Седьмому брату не терпится — пусть объезжает.

Объезжает?

В памяти Хэлань Си именно так выглядела его первая встреча с Се И.

Хэлань Цзинь не поверил своим ушам и с силой отдернул занавеску кареты:

— Хэлань Си, ты спятил?

Хэлань Си промолчал, и Фан Юань, следуя приказу, взмахнул кнутом, собираясь на полном ходу протаранить карету принца.

Кто же не знает, что Седьмой принц сейчас на особом счету у императора? С кем угодно можно ссориться, но только не с ним — себе дороже выйдет.

Красно-коричневый конь нетерпеливо тряхнул гривой, вскинул передние копыта и издал резкое ржание.

Хэлань Си уже однажды умирал.

В прошлый раз его, отчаянно сопротивлявшегося, толкнули в холодную воду ранней весной, а

потом обставили всё как несчастный случай — утопление.

Тогда Хэлань Цзиня от резкого маневра отшвырнуло в сторону, он покрылся холодным потом, а когда пришел в себя, увидел, как из промчавшейся мимо кареты выглянул юноша с алыми губами и белыми зубами, бросив на него издевательский взгляд.

Хэлань Си же, казалось, ничего не заметил, лишь безмятежно произнес:

— Премного благодарен.

Сцена закончилась, зеваки разошлись, и лишь Хэлань Цзинь остался стоять посреди улицы, в ярости топая ногами, словно шут.

Хэлань Си не обращал на него ни малейшего внимания.

Едва услышав имя Се И, Хэлань Си, до этого момента пребывавший в полном равнодушии, наконец изменился в лице.

Две кареты почти поравнялись.

Толпа в ужасе разбежалась, со всех сторон слышались крики. Хэлань Цзинь, оказавшийся на пути, побледнел и застыл, не зная, как реагировать. К счастью, его кучер дорожил жизнью и в последнюю секунду успел развернуть карету.

Была весна, время ясной погоды и цветущих садов.

Хэлань Си усмехнулся:

— Что, Третий старший брат-принц, считаешь, что в прошлый раз тебя слишком недолго продержали под домашним арестом?

Его одурачили.

Будучи сыном Императрицы, Хэлань Цзинь с рождения не знал отказов и обид. Поэтому, как только с него сняли запрет, он тут же бросился сводить счета. Услышав о домашнем аресте, он скрежетнул зубами.

Фан Юань правил плавно. Испугав Князя Жун, он ничуть не растерялся:

— Ваше Высочество, всё еще направляемся в поместье господина Се на улице Пинъань?

— ... — Хэлань Цзинь пришел в еще большую ярость.

Он закричал в отчаянии:

— Хэлань Си, не зазнавайся! Не думай, что если ты прикрываешься господином Се, чтобы втереться в доверие к отцу, то можешь спать спокойно. Без Се И ты — полное ничтожество!

— Слушаю, — отозвался снаружи напудренный кучер.

Когда расцвели первые персики, Император Юнмин забрал из Холодного дворца своего младшего сына, о котором забыл много лет назад. На семейном баннеке во дворце Гуанхэ Хэлань Цзинь позволил себе дерзость, оскорбив брата прямо на глазах у отца. Он насмеялся над его подлыми методами и отсутствием достоинства, за что был приговорен к тридцати дням заточения в своем особняке.

Се И, Се Юньгуй.

Тот, кто в прошлой жизни собирал его кости, кто вытащил его из ледяной воды, кто вывел из Холодного дворца и кого подозревали в тайной связи с ним — влиятельный сановник.

Хэлань Си недовольно дернул уголком рта и откинулся на мягкие подушки внутри кареты:

— Фан Юань.

Они говорили негромко, но каждое слово отчетливо долетало до ушей Хэлань Цзиня.

Безумие!

— Тарань.

То, что он называл прошлым разом, произошло всего месяц назад.

Это настоящее безумие!

Живые всегда слишком великодушны к мертвым: в одно мгновение они забывают все прошлые обиды и вспоминают только хорошее.

— Все это благодаря тебе.

Император Юнмин тогда был полон горестных чувств, в его сердце всколыхнулась крохотная крупца отцовской любви, и он лично приказал Се И заняться похоронами.

Сегодня был последний день.

Если бы он отказался, то потерял бы лицо.

Никто не хотел затевать скандал, поэтому решили, что раз человека больше нет, то и разговор окончен.

Никто не собирается тебя благодарить!

День был теплым, и Се И, сидя в кресле посреди огромного двора, грелся на солнце, прижимая к себе упитанного рыжего кота старого управляющего. Идиллия.

— Мяу~

Старый кот зевнул на его коленях, затем начал настойчиво перебирать лапами, беспокойно ерзая.

— Не балуйся, — Се И на ощупь протянул руку, но вместо ожидаемой мягкой шерсти наткнулся на чью-то теплую ладонь.

Приоткрыв глаза, он увидел юношу в алом парчовом халате, который присел перед ним на корточки. В руке у юноши был стебелек собачьего хвоста, которым он дразнил вертлявого кота.

Увидев, что Се И проснулся, юноша поднял голову. В его глазах блеснула лисья хитрость, а на губах заиграла живая улыбка:

— Господин, с кем это вы разговаривали?

Юношей был не кто иной, как нынешний фаворит — Седьмой принц.

Се И отпустил кота и тоже улыбнулся:

— Ваше Высочество, когда вы прибыли? Почему не велели доложить? Простите за небрежный вид, я не встретил вас как подобает, это моя вина.

— Господин все еще нездоров, поэтому это мне, вашему ученику, следовало прийти и навестить вас, — ответил Хэлань Си.

У него не было такого влияния, чтобы Первый министр лично встречал его — разве что сам Император пожаловал бы.

Они встретились взглядами, и наступила тишина.

Благодаря его отцу-императору, помимо спасения жизни, их связывали узы учителя и ученика.

Формально — под присмотром и опекой, а были ли там другие причины — кто знает.

Видимо, из-за того, что Се И слишком много заботился о делах государства, да к тому же вынужден был возиться с этим беспокойным принцем, его здоровье оставляло желать лучшего. Из пяти выходных дней в месяц он почти все тратил на лечение.

— Мяу~ — беспокойный кот внезапно нарушил тишину.

Кот оказался на удивление легким. Ему было всё равно, на ком сидеть: оттолкнувшись от Се И, он прыгнул на руки Хэлань Си и ловко вскарабкался ему на плечо.

Оба замерли в изумлении, а кот лишь невозмутимо лизнул лапу и посмотрел на Се И сверху вниз, словно говоря: Ну, и чего уставился?

— Пха-ха-ха...

Хэлань Си сдерживался, но в конце концов не удержался и рассмеялся. Первый министр, в чьих руках была сосредоточена власть над жизнью и смертью, был высмеян толстым котом.

Се И зашелся кашлем. Он кашлял так долго и надрывно, что казалось, будто он вот-вот отдаст богу душу.

Хэлань Си заподозрил, что тот разозлился на его бессердечный смех. Он сбросил с плеча виновника переполоха, одной рукой протянул Се И горячий чай, а другой начал поглаживать его по спине, помогая дышать.

После короткой суматохи Се И наконец перевел дыхание:

— Благодарю, Ваше Высочество.

— Пустяки. Это ничто по сравнению с тем, как вы помогли мне выбраться из Холодного дворца, — Хэлань Си был в прекрасном настроении, получив благодарность от господина Се. Он подпер подбородок рукой и улыбнулся, и в этой улыбке читалось нечто двусмысленное.

Се И, ожидавший подобного, отпил чаю из рук принца и равнодушно произнес:

— Слышал, Ваше Высочество снова поссорились с Князем Жун?

Хэлань Си скривил губы:

— Быстро же до тебя доходят новости.

Он ничуть не удивился. Глаза и уши Первого министра были повсюду, а сам он был под пристальным наблюдением, так что, вероятно, Се И знал об этом еще до того, как Хэлань Си переступил порог поместья.

Се И, не скрываясь, потер виски и вздохнул:

— Куда мне до скорости ваших проделок.

Несколько дней назад в Павильоне Вэньюань на столе Се И лежало прошение от Министерства ритуалов с обвинением Седьмого принца в неуважении к старшим. Бедный господин Ли, человек преклонных лет, чья борода была вырвана с корнем, не мог найти управы и слег от гнева.

Хэлань Си не только не стыдился, но даже гордился этим. Он приткнулся к коленям Се И и начал рисовать пальцем круги на его ноге, сменив обращение и льстиво добавив:

— Пока вы со мной, господин Се, мне ничего не грозит.

Десять лет в Холодном дворце о нем никто не вспоминал, но стоило Се И обронить пару слов, как он выбрался из грязи на вершину, заставив Императрицу и знатную наложницу молча терпеть унижения.

Очевидно, пока Се И хотел его защищать, с ним ничего не случится.

В такой ситуации даже дурак поймет, кому нужно угождать.

Вот только теперь ему приходилось во всем оглядываться на других.

Странно то, что Се И проявлял к нему необычайное терпение. И то, что он превратился из осторожного юноши в нынешнего наглеца — во многом заслуга господина Се.

Хэлань Си не раз спрашивал, почему, но Се И всегда отделялся тем же оправданием — что тогда, в ту ночь, он прыгнул в воду ради него.

Не спрашивай, а если спросишь — ответит, что это просьба старого друга.

Но его снисходительность уже давно не вписывалась в рамки простого поручения старого друга.

Интуиция подсказывала Хэлань Си, что у Се И есть какой-то умысел, но он никак не мог

понять, что же в нем такого ценного.

Этот вопрос мучил его до тех пор, пока по столице не поползли пикантные слухи о них двоих.

Версий было множество: кто-то говорил, что Се И влюбился в него с первого взгляда, кто-то — что он стал заложником Первого министра. Началось всё с того самого героического прыжка в воду.

Как бы ни развивались детали, искренне или нет, у всех слухов была одна общая черта — Се И положил на него глаз.

Звучит жутко, но если призадуматься — вполне логично.

Хэлань Си считал, что у него нет ничего, кроме лица, невероятно похожего на лицо его матери. Цзян Линъи когда-то была прославленной красавицей, и Хэлань Си, как ее сын, унаследовал эту красоту. Несмотря на юношескую незрелость, в нем сразу угадывались черты красавца.

Се И, может, и не любил его, но заглядеться на это лицо — вполне возможно.

— Ваше Высочество слишком высокого мнения о своем покорном слуге, — смиренно ответил Се И.

Даже он был не всемогущ и не мог исправить некоторые ошибки прошлого.

Хэлань Си не понимал его туманного взгляда, но чувствовал, как тот прикован к нему, и от этого становилось не по себе.

Неужели...

В одно мгновение он, набравшись храбрости, продвинул палец, которым чертил круги, чуть дальше.

Прошло не больше пары дюймов, как Се И перехватил его руку.

Хэлань Си не смел поднять глаз, лишь слышал, как дыхание господина Се становится всё тяжелее. Смелость, которую он только что одолжил, мгновенно испарилась.

— Ваше Высочество...

Се И, казалось, было не по себе. Не договорив, он подался вперед, и его горячее дыхание обдало тонкую белую шею юноши.

Хэлань Си зажмурился, его сердце бешено колотилось. В момент полной растерянности остатки его хладнокровия позволили сделать лишь один вывод:

Слухи, ходящие о нем и Се И, — это совсем не беспочвенные сплетни.

<http://bllate.org/book/21322/2163137>